

Станюкович Владимир Константинович

Пережитое

Воспоминания зрителя войны

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Константинович С.**
Пережитое: Воспоминания зрителя войны / Станюкович Владимир Константинович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 104 с.

ISBN 978-5-519-75259-6

ISBN 978-5-519-75259-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Тихо и мѣрно льется рѣка времени въ вѣчное море.
Безконечной вереницей плывутъ мимо насъ тѣла, качаемыя ея холодными водами.

Въ книгѣ своей я хотѣлъ передать пережитое на войнѣ, возникшей въ предразсвѣтной тѣмѣ холодной зимы.

Я хотѣлъ быть правдивымъ и искреннимъ въ своихъ воспоминаньяхъ, но знаю, что всѣ вообще *воспоминанья* страдаютъ обобщеніями и невольною ложью, искажающими лица и событія, а потому извиняюсь впередъ передъ читателемъ, если введу его невольно, но добросовѣстно въ заблужденіе.

Обобщенія не страшны — читателю легко избавиться отъ нихъ. Факты я провѣрилъ, насколько могъ, но есть изумительные феномены!

Я видѣлъ въ свѣтѣ костровъ гигантскую статую Будды у стѣнъ Каю-ань. Но если я узнаю, что ее, изваянной изъ сѣраго камня, огромной и холодной не существуетъ, я не буду считать себя лжецомъ: *я ее видѣлъ!*

И если галлюцинація временами смѣняла видимую всѣми дѣйствительность—въ томъ виновата война, усталость, доходящая до потери сознанія.

Нѣкоторыя мѣста книги, написанныя въ Сухудяпу и Мукденѣ въ тѣ дни, когда кругомъ умирали и коса смерти въ своемъ широкомъ размахѣ добѣгала до стола, на которомъ я писалъ записки, я не измѣнялъ.

Въ ихъ непосредственности—отчетливѣй рисунокъ страшнаго лица войны.

Я не былъ участникомъ боя и его ощущенія мнѣ незнакомы, я не касаюсь ихъ.

Я смотрѣлъ не прямо въ глаза кроваваго лика войны—немного сбоку...

Жестоко лицо ея! Несчастны люди, *принужденные* глядѣть на него!

Радостна война съ кровнымъ врагомъ! Рука тянется схватить его за горло!..

Но тяжела, невыносима доля тѣхъ, кого *посылаютъ* на бой, цѣль котораго непонятна.

Слабые, подневольные, не охваченные силою подъема, идутъ покорные люди на бой...

Имъ ли жажда побѣды, когда въ убитомъ они видятъ не героя, а жертву?!..

Такова была война, о которой я говорю въ своей книгѣ.

Послѣднія страницы обвѣяны дыханіемъ *весны*... Она была! Голубая весна!! Кто зналъ, что она несла... голодъ!..

Плещутся волны рѣки и родина, склонившись надъ нами, въ каждомъ проплывающемъ трупѣ видитъ сына...

Страдаетъ!..

Но „взъется кость въ крови и прахѣ, чтобъ выпасть знакомъ роковымъ“.

24 Апрѣля 1907 г.

с. Орлино.

I.

Мобилизація.

Меня призвали неожиданно...

Не смотря на то, что война разгоралась и каждый день на Дальній Востокъ призывались новыя партіи запасныхъ,—я, по присущей человѣку привычкѣ думать о себѣ иначе, чѣмъ о другомъ, — въ глубинѣ души былъ убѣжденъ, что меня обойдетъ горькая чаша.

Помню, я говорилъ объ этомъ знакомымъ и они смотрѣли на возможность моего призыва, какъ на несчастіе; на эту войну, какъ на преступленіе.

Гнетущія вѣсти приходили съ Востока, въ душѣ закипала ненависть къ врагу... но не къ тому, что льетъ родную кровь на далекихъ поляхъ чужой земли, а къ другому, давящему насъ съ перваго сознательнаго шага; къ врагу, превратившему насъ въ рабовъ, который теперь призывалъ насъ на „служеніе родинѣ“, взывая къ нашему „сыновьему долгу“.

И шли наши войска кровью своею заливать преступныя ошибки. Нужно было славой побѣды закрыть преступленія!

Не было широкой волны, поднимающей народныя массы. Каждый про себя скорбно считался со своею совѣстью... Шелъ, чувствуя себя несчастнымъ.

Предвѣстниками моего призыва были частныя письма по городской почтѣ съ рекламами военныхъ портныхъ, изготавлявшихъ все обмундированіе въ 24 часа.

Когда я показалъ пачку этихъ рекламъ моему пріятелю, онъ замѣтилъ, что, вѣроятно, военные портные знаютъ мобилизаціонные планы не хуже, чѣмъ тѣ власти, которыя распоряжаются мобилизаціей.

— „Это, братъ, настолько серьезно, сказалъ онъ, что я рекомендую тебѣ быть готовымъ!“

Его слова оправдались: 20 іюня 1904 года въ моей кухнѣ появился вѣстникъ войны въ видѣ окологлазого, который, заикаясь отъ волненія, какъ бы боясь испугать, вручилъ мнѣ листъ картона, въ верху котораго было крупно напечатано: „Призывной листъ“.

Мой вѣстникъ войны былъ блѣденъ и взволнованъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ сосѣднемъ домѣ онъ только что вручилъ одному квартиранту такой же „документъ“ и тотъ не выдержалъ... упалъ въ обморокъ.

— „Бѣдный!..“ говорилъ мой вѣстникъ войны.

Изъ листа было ясно, что я призываюсь для пополненія штата полевыхъ подвижныхъ госпиталей, не приданныхъ къ дивизіямъ N корпуса.

Давно ужъ я покинулъ военную службу, а потому все позабылъ и никакъ не могъ представить себѣ въ первыя минуты учрежденія, въ которомъ я долженъ служить на театрѣ военныхъ дѣйствій.

На слѣдующій день пошелъ къ воинскому начальнику. Въ пріемной была безтолковая и досадная толкотня. Никто не могъ получить справокъ. Отвѣты должностныхъ лицъ были сбивчивы и неопредѣленны: они не знали дѣла; не знали какъ взяться за него; безпомощно махали руками; безъ толку нервничали и сбивали насъ, призванныхъ съ „воли“ подѣ эти казенные своды.

Попавъ въ первое военное учрежденіе, я въ первую же минуту испыталъ то ощущеніе хаоса, которое преслѣдовало меня потомъ въ теченіе долгихъ дней и мѣсяцевъ въ Маньчжуріи во время этой несчастной войны.

Канцелярія воинскаго начальника не знала гдѣ формируется та часть, въ которую я призывался. Мнѣ сказали только, что въ теченіе трехъ дней я долженъ окончить всѣ свои личныя дѣла и быть готовымъ ко всему и что обмун-

дированіе для меня можетъ быть изготовлено военнымъ портнымъ въ теченіе 24-хъ часовъ. Послѣднее сообщили дѣлопроизводитель воинскаго начальника, любезно вручивъ мнѣ одну изъ тѣхъ рекламъ, которыя когда-то такъ волновали меня, когда я получалъ ихъ по городской почтѣ.

Черезъ три дня я былъ одѣтъ въ военную форму. Тяжелое превращеніе!

Надѣвъ мундиръ, я съ печалью оглянулся на только что сброшенную штатскую кожу и, невольно, охватили меня воспоминанія о томъ полу-забытомъ времени, когда я, совсѣмъ молодымъ, носилъ такой же мундиръ.

Какъ тяготился я этимъ мундиромъ, какъ тяжело было жить въ немъ, съ какою радостью я сбросилъ его!..

И вотъ — опять мундиръ! На этотъ разъ онъ надѣвается спѣшно, чтобы идти далеко на войну.

Надѣвъ новую, блестящую кожу, я пошелъ искать свою часть. Первый человѣкъ, и человѣкъ военный, привѣтствовавшій мое преображеніе, принадлежалъ къ тому же рангу, какъ и мой вѣстникъ войны — это былъ городской, усатый старый городской, стоявшій всегда противъ моего дома.

Онъ весело улыбнулся и полу-фамиліарно отдалъ мнѣ честь.

Послѣ двухъ или трехъ неудачныхъ посѣщеній штабовъ — я узналъ, гдѣ формируются не приданные къ дивизіямъ госпитали и, взявъ извозчика, поѣхалъ туда. Это было на самомъ краю города, въ длинныхъ казачьихъ казармахъ. Онѣ были пусты — полкъ находился въ лагерѣ и пустота и просторъ казарменныхъ помѣщеній производили жуткое впечатлѣніе.

Чувствовалось, что онѣ скоро наполнятся новыми людьми и этихъ невѣдомыхъ, грядущихъ гостей, которыхъ ждала пустая пасть казармы, было жалко.

Пройдя длинный корридоръ я нашелъ генерала, который вѣдалъ формированіемъ госпиталей. Онъ сидѣлъ въ большой, уютной комнатѣ, окруженный своимъ штабомъ. Общими усилиями писали приказъ. Генералъ диктовалъ текстъ, а его усиленно поправлялъ чиновникъ, ссылаясь на разные разъясненія и дополненія. Съ изумительною ловкостью онъ из-

влекать эти „разъясненія“ изъ затрепанныхъ толстыхъ томовъ законовъ, которые темными горками лежали на столахъ, стульяхъ и подоконникахъ. Генераль слушался опытнаго чиновника и поправлялъ приказъ.

Какъ они были озабочены, чтобы мобилизація шла не такъ, какъ идетъ, а такъ, какъ „предусмотрѣлъ“ законодатель!

Въ этотъ же день я былъ представленъ главному врачу моего госпиталя и мнѣ было предложено каждый день приходить въ казармы, принимать людей, лошадей и имущество.

Начали прибывать люди. Каждый день ихъ выстраивали на плацу, крупными цифрами мѣломъ писали на груди каждаго номеръ части и рассылали по пустымъ казармамъ.

Корридоры и залы начали наполняться. Люди приходили изъ бѣдныхъ губерній тощѣ, изморенные долгой работой и старыя. Для военно-врачебныхъ заведеній, по мнѣнію законодателя, не нужны были молодая силы.

Нѣсколько разъ присутствовалъ я на тѣлесномъ осмотрѣ призываемыхъ. Врачъ пропускалъ всѣхъ, поверхностно осматривая, а изъ-за вереницы голыхъ спинъ былъ слышенъ его ровный голосъ: „Годенъ! Годенъ! Годенъ!“

Какъ то я обратилъ его вниманіе на то, что многіе изъ принятыхъ неспособны перенести тяжесть службы на войнѣ, что они стары и больны.

Врачъ пожалъ плечами и отвѣтилъ, что онъ тутъ не при чемъ.

Не знаю чѣмъ онъ руководствовался—спеціальными ли циркулярами, или просто не хотѣлъ возбуждать дѣла!? Знаю только, что около 15% набранныхъ въ мой госпиталь людей, были возвращены во время войны въ Россію, какъ страдающіе хроническими болѣзнями и неспособные къ несенію службы.

То-же самое происходило при приѣмѣ лошадей. Прибывали изъ уѣздовъ, отъ воинскихъ начальниковъ старыя, изморенныя, разбитыя клячи съ органическими пороками и слабыя лошади, которыя, если не теперь — то черезъ нѣсколько времени должны безусловно превратиться въ инва-

лидовъ; но ветеринарный врачъ, пропуская мимо себя этихъ одровъ, твердилъ: „Годна! Годна! Годна!“

Словомъ все, что ни попадало по призывному листу на эту несчастную войну, оказывалось годнымъ, годнымъ, годнымъ!..

Наконецъ штатъ людей и лошадей былъ набранъ. Началось обмундированіе и обученіе. Но чему обучать?

Учить госпитальному дѣлу оказалось невозможнымъ—мы должны были двинуться въ Маньчжурію безъ обоза, безъ оборудованія госпиталя, такъ какъ все это ждало насъ въ Харбинѣ.

Мы должны были довести до Харбина людей, лошадей и медицинскія принадлежности, которыя въ запечатанныхъ ящикахъ, въ послѣдній день доставятъ намъ на вокзалъ.

Приказы о мобилизаціи писались ежедневно. Фабриковались они тѣмъ же способомъ и были искусственно пригнаны, чтобы показать, что законодатель не ошибся въ распредѣленіи по днямъ мобилизаціи извѣстныхъ работъ, что все идетъ гладко и такъ, какъ предусмотрѣно священными циркулярами и законоположеніями.

Вскорѣ распространился слухъ, что насъ „будетъ смотрѣть“ одно высокопоставленное лицо. Начальство затрепетало—и вотъ нашихъ крючковатыхъ нестроевыхъ, набранныхъ для исполненія санитарныхъ обязанностей, начали обучать..... церемоніальному маршу.

Это было положительно забавно и при воспоминаніи объ этомъ меня охватываетъ неудержимый хохотъ!

Люди, никогда не служившіе въ пѣхотѣ, а по разнымъ артиллерійскимъ складамъ и нестроевымъ командамъ, не бывавшіе въ строю и совершенно къ нему неспособные и старые—теперь ежедневно въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ обучались церемоніальному маршу и ружейнымъ приемамъ!

(Ружья намъ дали для самообороны отъ хунхузовъ).

И вотъ—имѣя на лѣвой рукѣ красный крестъ и держа въ ней же винтовку мы, весело помахивая правой, парадировали передъ начальствомъ.

Сколько было мученій изъ за „равненія“!—Точно въ строевой ротѣ!

Это продолжалось долго—болѣе 2-хъ недѣль. Наконецъ, наступилъ день смотра. Старый, обрзвгшій генераль, при-
выкшій ко всевозможнымъ парадамъ, прошелъ по фронту
вытянувшихся въ струнку госпиталей, поздоровался съ нами
и не зналъ: что дѣлать съ полевыми подвижными госпита-
лями безъ больныхъ и обозовъ?

Начальство, конечно, выручило и заявило, что будетъ
устроено прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ.

— „Да развѣ они это умѣютъ“? спросилъ генераль.

— „Такъ точно Ваше...“!

И мы прошли передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ
и услышали его „спасибо“!

Послѣ передъ нимъ проводили лошадей и онъ, признан-
ный знатокъ лошадей, видя этихъ одровъ, ничего не ска-
залъ. Очевидно для госпиталя лучшихъ лошадей давать не
слѣдуетъ.

По традиціи пошли на кухню. Тамъ стоялъ поваръ въ
сшитыхъ специально для этого дня колпакѣ, блузѣ и фар-
тукѣ. Бѣлый парадный поварской костюмъ былъ туго на-
крахмаленъ. Онъ неуклюже топорщился на огромномъ сол-
датѣ и былъ дѣвственно чистъ. Кухня блестѣла. Генераль
почему-то спросилъ повара:

„Ты который день въ этомъ фартукѣ“?

„Третій день, Ваше...“! отвѣтилъ поваръ.

Почему онъ отвѣтилъ: „третій день“, такъ и осталось
для меня тайной.

Поблагодаривъ формировавшихъ госпитали, особа уѣхала.
Нашъ генераль выразилъ намъ свою глубочайшую призна-
тельность и, окончивъ этотъ „церемоніальный маршъ“, мы
спокойно разошлись по домамъ.

Начались дни ничего не дѣланья. Отъѣздъ отклады-
вался еще на двѣ недѣли. Люди стали проситься домой,
повидаться *последній* разъ со своими, и мы пользовались
всѣми законными и не законными способами, чтобы испол-
нить ихъ просьбы, дать имъ возможность еще разъ пови-
дать родину.

Порой приходили въ казармы земляки — люди напива-
лись.

Одна сердобольная жена пріѣхала къ мужу, да такъ и прожила до нашего ухода въ казармѣ со своею дѣвочкою. Это было глубоко понятно и никто не смѣялся.

Люди сближались; изъ ихъ массы начали выдѣляться отдѣльныя, рѣзко очерченныя личности. Я началъ разбираться въ группѣ людей, надъ которыми, волею судебъ, сталъ начальникомъ.

II.

Дорога.

Насталъ послѣдній день.

Выступили на вокзалъ. Впереди двигалась вереница лошадей, за ними мы, окруженные пестрой толпой родственниковъ и знакомыхъ.

На глазахъ—слезы.

У длинной платформы—товарный поѣздъ; въ него мы должны вмѣстить людей и лошадей. Лошади не хотятъ входить въ вагоны, ихъ вводятъ силой, съ хлыстомъ. Онѣ бьютъ копытами по платформѣ, упираются, встаютъ на дыбы...

Наконецъ размѣстили. Началась вакханалія! Люди пьяны: родственники, знакомые и посторонніе печальники четвертями суютъ въ вагоны водку.

Солдаты напились, охмѣлѣли, шатаются, кричатъ, горланятъ пѣсни. Вэвивается ревъ бабъ, неистовый ревъ русскихъ бабъ!

Когда-то въ Курской губерніи я видѣлъ отправленіе переселенческаго поѣзда. Тамъ тоже все было пьяно и отъ станціи далеко по полю неся тотъ-же протяжный, нудный женскій вой—этотъ ужасъ разлуки!

Тамъ это было такъ понятно: съ корнями вырывались человѣческія жизни изъ родныхъ деревень, выскораживались острыми зубьями жестокой бороны—нужды, и брели невѣдомо куда удачи... удачи искать!..